

FLASHBACK

встретились снова
а сколько плутали
как деревья по лесу

мы непохожи
но улыбка у нас
одна

головокружение
словно играя в жмурки
я неуверенно шагнул в ту ночь

пытаюсь поймать все
вероломные образы
и звуки

пот выступивший
на льдинках
в пустых бокалах

сброшенные чулки
сложившиеся в две
чёрные розы

щелчок выключателя
комнату полную
благоуханием темноты

и белизну твоего тела
что жадно вобрала пустыня мрака
как первую каплю дождя

заложник молчания
я смотрю тебе вслед
закрытыми глазами

Виктор Шамакметов

г. Кемерово

моя любовь –
чужая вселенная
веснушчатый космос

Ночь

Ночь незаметно в комнату вошла,
Когда моё сознание знобило.
Когда усталость более важна,
Чем даром не растроченная сила.

Когда трясло, как отставной сервиз,
Что может ненароком расколоться,
Хрустальный звон в сознании повис –
Но с улицы слышались колёса.

Я посмотрел в окно, а у окна –
Сидела ночь, как женщина в вагоне,
Ко мне затылком. Свежая волна
Её парфюма расплескалась в доме.

И эти брызги с запахом цветов,
На сквозняках разлившись до порога,
Мне говорили без излишних слов
О том, что с ней у нас одна дорога.

Язык фиалок был понятен мне.
И всё ж меня рознило с насекомым
Желанье быть от грязи в стороне
И первым не тянуться к незнакомым.

Что до неё – она могла прочесть
Заворожённый взгляд на чёрной пряди,
Но вряд ли находила в этом честь,
Ведь ночь себя не видела в том взгляде.

Тогда я погасил унылый свет.
Ночь улыбнулась, чуть заметив это,
Печально, словно молвила в ответ:
«В тебе, мой мальчик, будет больше света».

Неумолимый времени вагон
Нас уносил. Я знал: другие лица
Войдут, когда меня осилит сон,
А встреча с ней уже не повторится.

Семейная фотография

В округе дома по колено увязли в земле.
На стройке шпана деревянный каркас
подпала. Везде геростраты... Я словно прикован к
скале.
Хотя б матерки свёл огонь, уничтожив
стропила.

Как надписи злые, сгорит моя рукопись
вмиг.
Что жалость – бредя напролом, не
смахнуть паутину.
Эпоха приемлет две формы – молчанье и
крик.
И скромный герой от героики скрылся в
рутину.

Опять в своих планах на осень июль
перенёс,
И вот он – вернулся, заполнил
октябрьский воздух.
Зимой о лете пишу... А бывает, всерьёз
Пишу о любви – о которой писать
слишком поздно.

Закрался в строку сочинительный лишний
союз
И всё не даёт ей окончится вздохом
прощальным.
Другие взрослеют, уходят, а я – остаюсь
В безлюдье, в безлюбье, в безвремяне
провинциальном.

Служенье муз не терпит суеты.
А.С.Пушкин

служба музе покоя не терпит
искра жизни сверкнёт в полусне
зарождённая в суетном нерве
или в трещинке на стене

встанешь ўзришь нутро бытовое
блага что никогда не алкал
сальных пятен узор на обоях
пыльной лампочки тусклый накал

по паркету из шахматных клеток
мертвовоображённых пустот
беглый шаг тараканьих заметок
чёрный стих
стихотворный цейтнот

В детстве я испытывал неудобство перед
камерой
и ненавидел семейные фотографии.
Когда требовался второй кадр, я
срывался,
редко обходилось без сцен.
Что заставляло меня вести себя так,
я не мог объяснить словами,
и родственники считали это
пустым капризом.

Все равно никуда не деться с семейного
торжества –
слишком мал для остального мира.

Теперь, при взгляде на старый снимок,
меня озаряет вспышка подозрения:
не случилось ли подмены,
не стал ли страх съёмки – страхом жизни,
исполненной лицемерия,
а моя душа – заложницей фотокарточки?

Улыбаясь близнецу,
до сих пор на секунду дышать
прекращаю.

Деревья переждали дождь,
Не убегая и не прячась.
Когда к стеклу вернётся зрячесть,
Наступит вечер. Ты уйдёшь.

Сейчас нам не видна игра
Дневных лучей на иглах мокрых —
Лишь бельма мутные на окнах
И в будущем — слепая мгла.

Пальцами нежно касаясь затылка,
медвяных волос
И содрогания тела пугаясь, как пения струн,
Выдавших мальчика, чьё любопытство
вело с
Долгом борьбу, чтоб он сделался истинно
юн –
Так я целую тебя – эфемерную нимфу
лесов,
Флору, Юнону – войдя в зачарованный
круг,
Где невозможно услышать чужих голосов
–
Это два полукружия наших рук.